

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА IV¹⁾.

Конференція въ Сентъ Джемсъ Холь.

Какъ только премьеръ и его друзья пришли въ себя отъ смущенія, овладѣвшаго ими при возстаніи націи противъ традиціонной политики, связывающей Англию съ Турціей, они стали утѣшать себя мыслью, что это былъ временный взрывъ негодованія, и что въ скоромъ времени страна возвратится къ старымъ понятіямъ. Поэтому едва закрылись двери городскихъ залъ, гдѣ происходили послѣднія многочисленные собранія, порицавшія правительственную политику, какъ Биконсфильдовская печать объявила, что волненіе утихаетъ, что страна образумилась. Сэръ Н. Д. Вольфъ, судя по его автобіографіи, искренне вѣрилъ, что митингъ, собравшійся въ его избирательной комиссіи Крайстчерчъ (Christchurch), означалъ упадокъ анти-турецкихъ чувствъ. Чтобъ уничтожить эту фантастическую иллюзію, митинги не переставали собираться во всей странѣ, но не было, очевидно, возможности собирать каждую недѣлю митинги, чтобы убѣдить тѣхъ, которые не желали убѣдиться, что Англія того же мнѣнія въ субботу, какого была въ понедѣльникъ.

Чтобъ лишить лорда Биконсфильда увѣренности въ томъ, что нація отступаетъ отъ своей новой восточной политики, предприняты были шаги, для созыва народной конвенціи.

Благодаря г-ну Гислопъ Белль, я имѣю слѣдующій ясный рассказъ о движеніи, которое повело къ Сентъ Джемской конференціи. Г-нъ Белль былъ тогда владѣльцемъ „Сѣвернаго Эхо“ и лидеромъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Дарлингтонской и Южно-Дургамской ассоціаціи. Изъ его изложенія видно, что первоначальная цѣль движенія была гораздо честолюбивѣе той, которая осуществилась впоследствии.

Когда первый порывъ гнѣва противъ болгарскихъ жестокостей утихъ, настало успокоеніе, которое немедленно было объяснено друзьями турокъ, какъ паденіе великаго народнаго движенія противъ союза съ Турціей. Требованіе осенней сессіи, сдѣланное лордомъ Гартингтономъ, распространилось по всей странѣ, но его боялись, и событія показали, что страхъ былъ ненапрасный, что правительство не уступить народному требованію даже въ томъ случаѣ, когда оно состоитъ въ созывѣ парламента, въ которомъ министры обладаютъ большимъ числомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ. Настойчивые люди на сѣверѣ съ ужасомъ представляли себѣ картину будущаго. Цѣлые мѣсяцы министры оставались самостоятельными. Обузданные, временно, взрывомъ негодованія, они были готовы, какъ опасались, возобновить свои жестокія дѣйствія, какъ только грозный голосъ народа сталъ бы ослабѣвать. Казалось настоятельно необходимымъ изобресть мѣру, могущую воплотить народное желаніе въ такую форму, которая заставила бы сопротивляющійся кабинетъ согласиться съ народнымъ рѣшеніемъ. Нѣкоторое время не могли найти соотвѣтствующаго представленія народнаго рѣшенія. Наконецъ г-нъ Вильсонъ изъ Питсмура (Шефильдъ) вмѣстѣ съ г-номъ Робертомъ Лидеромъ, предсѣдателемъ Шефильской либеральной ассоціаціи, возымѣли мысль, что возможно было бы созвать представительный конвентъ для формальнаго и энергичнаго выраженія воли Англій въ Восточномъ вопросѣ. Какъ только явилась эта мысль, въ Шефильдѣ, она была сообщена Дарлингтону, городу, который, какъ мѣсто рожденія Болгарскаго волненія, приобрѣлъ нѣкоторое вліяніе въ рѣшительныхъ мнѣніяхъ объ обязанностяхъ Англій на Востокѣ. Шефильдскій намекъ встрѣтилъ горячій отвѣтъ. Предварительный митингъ собрался въ Шефильдѣ, 30-го сентября, подъ предсѣдательствомъ г-на Роберта Лидера. Присутствовало много представителей изъ Шефильда, а также изъ Лидса, Бадфорда, Манчестера, Ливерпуля, Бирмингама и Дарлингтона. Было рѣшено единодушно, что конференцію созвать необходимо, но существовало различіе взглядовъ на способы созыва. Представители Дарлингтона, сильно поддерживаемые Шефильдскими, настаивали на огромномъ значеніи создать представительное собраніе, состоящее изъ выборныхъ делегатовъ отъ каждой избирательной коллегіи. Эта мысль, въ формѣ рѣшенія, была предложена Манчестерскимъ представителемъ для того, чтобы предпринять шаги къ созыву національной конвенціи по Восточному вопросу, и чтобы конференція эта была на сколько

возможно выборная. Рѣшеніе было принято единодушно. Въ продолженіи митинга объ отсроченномъ собраніи, вторая серія негодующихъ митинговъ состоялась по инициативѣ Дарлингтона. Они были примѣромъ для другихъ: Мидльборо, Стоктонъ, Бротонъ, Стендропъ, Сюндерландъ и Хартльспульсы. На этихъ собраніяхъ постановленіе о выраженіи сочувствія христіанамъ было принято единодушно вмѣстѣ съ рѣшеніемъ созыва парламента на осеннюю сессию.

Комитетъ, уполномоченный на созывъ національной конвенціи, встрѣтилъ серьезныя затрудненія. Вначалѣ затрудненія заключалась въ недостаткѣ какой бы то ни было организаціи, на которую можно было бы рассчитывать для составленія народной резолюціи. Хотя всѣ собиравшіеся въ Шефилдѣ, и имѣли желаніе оградить конвенцію отъ всего похожаго на партійность, но на дѣлѣ оказалось невозможнымъ избѣжать обращенія къ организаціоннымъ партіямъ. Рѣшено было обратиться къ представителямъ и секретарямъ различныхъ либеральныхъ ассоціацій всей страны съ цѣлью вызвать ихъ мнѣнія о томъ, какой способъ лучшій, чтобы создать изъ предполагаемой конвенціи настоящее представительное національное собраніе. Надѣялись, что въ отвѣтъ на это воззваніе инициаторы движенія могли бы обратиться ко всѣмъ партіямъ государства, прося ихъ, на публичныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ мэра или другого оффиціального предсѣдателя, избрать делегатовъ въ конвенцію въ такомъ же числѣ, какъ избираютъ ихъ въ парламентъ. Такимъ способомъ надѣялись, что будетъ избрано дѣйствительно представительное собраніе, которое могло бы обращаться къ министрамъ Ея Величества съ тѣмъ авторитетнымъ и вѣскимъ словомъ, которое бы исходило отъ сознанія, что они избранники народа.

Такъ какъ министры отказывались созвать законный парламентъ, въ которомъ могли бы дѣйствія ихъ подвергнуться должной критикѣ, и такъ какъ они настоятельно пользовались конституціонными прерогативами короны, чтобы вести политику, отвергаемую націей, то народъ долженъ былъ создать новое представительство, которое воплотило бы протестъ націи противъ политики правительства.

Эти надежды были жестоко обмануты. На отсроченномъ митингѣ въ Бирмингамѣ (на которомъ были представители отъ Дарлингтона, Шефилда и другихъ городовъ) проекту грозила опасность провалиться. Бирмингамъ, гордившійся своимъ выдающимся положеніемъ, не былъ расположенъ взять на себя лидерство въ этомъ дѣлѣ. Ни одинъ городъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за воззваніе ко всей націи, и благодаря нежеланію городовъ вести дѣло, конвенція, казалось, обречена была на гибель прежде своего осуществленія. Неутомимые шефилдцы,

потерпѣвъ неудачу въ созваніи конвента въ провинціи, отправились въ Лондонъ, гдѣ имъ удалось заручиться благопріятными мнѣніями относительно ихъ плана у самыхъ авторитетныхъ лицъ. Получивъ одобреніе извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей Англій, вопросъ былъ возбужденъ въ Девонширскомъ клубѣ, гдѣ членъ Дарлингтонской избирательной ассоціаціи объяснилъ точное положеніе дѣлъ и горячо убѣждалъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы инициатива созыва конвенціи или конференціи исходила изъ Лондона. Это предложеніе было принято. Открыты были сообщенія съ комитетомъ, состоящимъ изъ членовъ клуба реформъ, назначенныхъ въ послѣднюю сессію слѣдить за Восточнымъ вопросомъ, и въ скоромъ времени было рѣшено, чтобы этотъ комитетъ, усиленный поддержкой именъ первыхъ составителей проекта и сочувствующихъ ему, дѣйствовалъ какъ предсѣдательствующій и обратился бы съ воззваніемъ къ странѣ выслать представителей въ національное собраніе. Циркуляры, опредѣляющіе предметъ конференціи, состоящей вообще въ обсужденіи лучшаго способа для благопріятнаго направленія Восточнаго вопроса посредствомъ европейскаго концерта державъ, а въ частности: 1) въ приобрѣтеніи христіанскими провинціями Босніи, Герцоговины и Болгаріи, освобожденіи отъ непосредственной турецкой власти съ обезпеченіемъ имъ правъ одинаковыхъ съ нехристіанами, 2) въ распространеніи по всей странѣ здравыхъ указаній на различныя стороны вопроса,—обращались къ тѣмъ, чьи имена могли бы быть полезными въ ихъ мѣстности или своей репутаціей имѣли бы вліяніе на широкую публику, съ просьбой разрѣшенія пользоваться ихъ именами, какъ членовъ конвента. Очень вѣроятно, что, не будь рѣчи премьера въ Гильдголъ, съ ея безразсуднымъ хвастовствомъ и жестокихъ угрозъ консервативныхъ газетъ, конференція могла бы не состояться. Но лордъ Биконсфильдъ угрожалъ странѣ цѣлыми серіями походовъ въ защиту независимости Оттоманской имперіи. Императоръ принялъ въ Москвѣ вызовъ премьера, и одно время казалось, что англійскій народъ непременно вовлекутъ въ войну. Во время этого тягостнаго недоумѣнія и страха, конференція—сначала назначенная на конецъ сентября, быстро сформировалась. Лучшіе люди страны сердечно согласились на званіе членовъ конвента. Между первыми пѣрами далъ свое согласіе представитель графства Дургамъ. Имена стекались со всѣхъ сторонъ, и 27-го ноября появился величавый списокъ, заключающій въ себѣ знаменитѣйшія имена Англій, какъ членовъ конвента національной конференціи, дѣйствія которой мы представляемъ ниже.

Одна публикація списка членовъ конвента уже произвела огромный политическій результатъ. Хотя и слышались слабыя насмѣшки

съ турецкой стороны, но представительный характеръ списка, смѣлость предпріятія и безспорное убѣжденіе, одушевляющее инициаторовъ, устрашили защитниковъ войны. Съ этой минуты попытка распространить въ странѣ бѣшеную ненависть къ Россіи была забыта.

Энтузіазмъ, съ которымъ страна встрѣтила публикацію именъ членовъ конвента, лучше всего изображенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ одного изъ многихъ диэирамбовъ, появлявшихся въ либеральной прессѣ сѣверной стороны. Статья интересна, какъ краткій обзоръ этого сильнаго движенія и его значенія въ исторіи Англій.

„Болгарское волненіе доказало, что англичане достойны своихъ героическихъ предковъ, и что пылъ Кромвеля и Мильтона до сихъ поръ горитъ въ сердцахъ простого народа, тогда какъ онъ давно угасъ въ сердцахъ ихъ консервативныхъ правителей. Созывъ этой конвенціи доказываетъ, что тактъ и искусство, сила и рѣшимость, которые помогли великимъ парламентскимъ лидерамъ долгаго парламента охранить свободу страны отъ захвата деспота-короля, и въ настоящее время окажутся надежными, когда нація видитъ себя осмѣянной деспотическимъ министерствомъ. Но конвентъ сдѣлалъ больше этого. Онъ навсегда возвеличилъ значеніе англійскаго гражданства; списокъ членовъ конвента доказываетъ самому непроницательному изъ насъ богатство разума, величіе генія, которыя могутъ въ этой свободной странѣ сосредоточиться на политическомъ дѣлѣ. Слишкомъ часто говорятъ, что политика существуетъ только для людей, занимающихся политикой. Этотъ списокъ членовъ конвента показываетъ, что наша страна располагаетъ помощью всѣхъ самыхъ даровитыхъ своихъ сыновъ во времена затрудненій и опасности. Отсюда ясно, что, желая руководить политикой Англій, мы обладаемъ содѣйствіемъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ, философовъ, богослововъ и историковъ нашего времени. Появленіе Томаса Карлейля въ восточной политикѣ почти такая же великая и пріятная неожиданность, какъ если бы апостолъ Павелъ воскресъ изъ мертвыхъ и далъ совѣтъ нашимъ соотечественникамъ. Соучастіе лучшихъ представителей науки, искусства, литературы, богословія и законовѣднія въ служеніи общему нашему отечеству есть замѣчательное объясненіе глубокаго смысла англійскаго патриотизма. Англія была возбуждена воплемъ отчаянія мучениковъ болгаръ и, по словамъ Гладстона, мы увидѣли, что „великое сердце Англій не переставало биться“. До середины августа Англія, казалось, отдавалась всецѣло жалкому шарлатанству. Въ началѣ сентября вся нація пылала сильнѣйшимъ энтузіазмомъ, полнымъ жизненныхъ силъ, какъ въ побѣдоносное время героическаго прошлаго, горя желаніемъ очистить душу отъ окаянной отвѣтственности за согласіе на преступленія

тѣхъ, кого премьеръ и его друзья защищали во имя Англіи. Страна наша, одушевленная высокимъ чувствомъ въ святомъ дѣлѣ, точно переродилась. Казалось, вернулись героическія времена и каждый видѣлъ въ благородныхъ словахъ Карлейля, что этотъ міръ есть правда, а не вѣроятность и ложь, что самъ онъ живъ, не умеръ и не паралитикъ, и что міръ живетъ, движимый Божествомъ, прекрасный и грозный, такой же, какъ и въ началѣ бытія. Шарлатанство ушло и по всей странѣ раздался единодушный голосъ народнаго раскаянія.

Единодушіе національнаго раскаянія обыкновенно не что иное, какъ гипербола. При самой высокой степени національнаго энтузіазма, широкой слой народа остается хладнокровнымъ и равнодушнымъ къ волненію ближнихъ. Но общіе выборы 1880 г. свидѣтельствовали на этотъ разъ о дѣйствительномъ раскаяніи большинства нашего народа.

Г-жа Новикова получила болѣе десяти приглашеній въ собранія Сентъ Джемсъ Холъ, одно изъ нихъ отъ Малькольма Макколя (Rev Malcolm Maccoll), въ то время неизмѣннаго друга Россіи. Для нея это было новое и достойное посвященіе въ тайны демократической государственной дѣятельности. Она присутствовала въ залѣ отъ двѣнадцати часовъ до перерыва и возвратилась, чтобы слышать рѣчь Гладстона. Это было памятное собраніе тѣмъ, что оно полно было сердечнаго энтузіазма къ Россіи и русскимъ. Болѣе чѣмъ за часъ до открытія, у входовъ Сентъ Джемсъ Холъ толпились депутаты, и тотчасъ послѣ одиннадцати зала была полна. Время до начала засѣданія было употреблено на раздачу правилъ и постановленій, а также на манифестъ комитета, опредѣлявшій основу ассоціаціи, составленный наканунѣ вечеромъ. За нѣсколько минутъ до одиннадцати громкія восклицанія встрѣтили появленіе герцога Вестминстерскаго въ сопровожденіи епископа Оксфордскаго и многихъ другихъ сановниковъ. Когда водворилось спокойствіе, герцогъ Вестминстерскій обратился къ одному изъ почетныхъ секретарей съ предложеніемъ прочитать письма, полученныя отъ сочувствующихъ, которые не имѣли возможности присутствовать на митингѣ. Секретарь всталъ, но прежде чѣмъ онъ произнесъ слово, на ступеняхъ къ платформѣ показалось хорошо знакомое лицо. Какъ только увидѣли эти сѣдые волосы, эту нѣсколько сгорбленную фигуру, все собраніе мгновенно встало и привѣтствовало г-на Гладстона продолжительными и восторженными возгласами одобренія. Нельзя было ошибаться въ искренности этого энтузіазма. Опять и опять раздавались привѣтствія по всей этой переполненной залѣ. Пока г-нъ Гладстонъ, кланяясь и улыбаясь, медленно проходилъ передъ эстрадой, знаки одобренія продолжались, увеличи-

ваясь, шляпы и платки развѣвались, казалось, конца не будетъ этимъ оваціямъ. Гладстонъ сѣлъ по правую сторону предсѣдателя, все стало утихать, и всѣ заняли свои мѣста. Секретарь прочелъ письма отъ герцога Аргайльскаго и г-на Роберта Ло. Герцогъ Вестминстерскій всталъ, чтобы сказать вступительную рѣчь. Онъ говорилъ около полчаса спокойно, безъ особенной выразительности, но съ большей настойчивостью. Первый взрывъ рукоплесканій возбудило заявленіе, что Англія рѣшила не идти на войну съ Россіей изъ-за Турціи. Опредѣливъ, чего, по его мнѣнію, желаетъ конференція, онъ сказалъ, что лично онъ готовъ идти далѣе. „Великіе интересы человѣчества выше всѣхъ интересовъ чисто англійскихъ. Англія въ прежнее время шла впереди всѣхъ въ усиліяхъ улучшить человѣческую расу, я надѣюсь, что она возвратится на старое мѣсто. Для того, чтобы это сдѣлать, необходимо, чтобы Россію не только поддерживали въ Палатѣ, но чтобы флотъ и армія Англіи были посланы въ Константинополь не противъ Россіи, а для того, чтобы сдерживать Турцію“. Взрывъ рукоплесканій доказалъ, что конференція готова идти такъ же далеко, по крайней мѣрѣ, какъ ея предсѣдатель. Первымъ ораторомъ былъ сэръ Джорджъ Кампбелъ, членъ парламента для Кирикальди, бывшій губернаторъ Бенгаліи, только что возвратившійся послѣ долгаго пребыванія въ Турціи. Сэръ Джорджъ говорилъ ясно и по существу. Онъ искусно опредѣлилъ правительство Турціи, какъ правленіе не только худшей расы, но въ большинствѣ, какъ расы низшаго класса. Турецкое правительство не только совершенно непоправимо дурно, но дѣлается рѣшительно худшимъ, тогда какъ христіанскія племена вовсе не на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ ихъ представляютъ. Болгарскія жестокости, сказалъ онъ, хуже того, чѣмъ ихъ описываютъ. Избіеніе въ Гленко—укушеніе блохи въ сравненіи съ ужами въ Болгаріи. Послѣ окончанія его рѣчи было прочтено слѣдующее письмо отъ доктора Пузей изъ Крайстчерчъ Оксфордъ:

„Ваша Свѣтлость.—Я очень сожалѣю о томъ, что не въ состояніи присутствовать въ важномъ собраніи, надъ которымъ Ваша Свѣтлость будете предсѣдательствовать. Я благодарю Бога, соединившаго сердца, какъ бы несчастливо они ни раздѣлялись на другихъ предметахъ, въ этомъ великомъ дѣлѣ страждущаго человѣчества. Хотя я не долженъ говорить за другихъ, какъ ихъ преставитель, всѣ, съ которыми я нахожусь въ соприкосновеніи, глубоко сочувствуютъ этому движенію и вѣрятъ, что это единеніе мыслей, расходящихся въ другомъ, докажетъ, что интересы человѣчества выше всѣхъ другихъ временныхъ интересовъ и могутъ спасти насъ отъ бѣдствія и униженія войны за Турцію“.

Потомъ говорилъ Дентонъ (Reverend Wm Denton), извѣстный авторъ „Сербія и Сербы“ и другихъ сочиненій съ описаніемъ жителей Турціи, между которыми онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Г-нъ Дентонъ былъ сильный ораторъ, и его описаніе положенія христіанъ было трогательно. За нимъ слѣдовалъ Антони Тролопъ съ сѣдыми волосами и въ золотыхъ очкахъ, содержаніе рѣчи котораго имѣло тотъ же мотивъ, что прошли тѣ времена, когда турку позволено было рассчитывать на что-нибудь отъ нашей страны, тезисъ, подъ которымъ подписалось все собраніе. Появленіе слѣпного профессора Фаусета во время рѣчи г-на Тролопа было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Говорилъ сэръ Бѣкстонъ, за нимъ епископъ Оксфордскій, величавый служитель церкви, котораго замѣчательная наружность нѣсколько напоминала Гладстона. Заключение его было хорошо составлено, съ требованіемъ, чтобы Англія возстановила права угнетенныхъ, въ случаѣ нужды, даже оружіемъ. Опять продолжительныя рукоплесканія. Г-нъ Генри Ричардъ, всѣми уважаемый секретарь общества мира, всталъ, чтобъ говорить объ отвѣтственности Англіи въ турецкихъ злодѣяніяхъ. Г-нъ Ричардъ въ пылкомъ заключеніи сказалъ, что ни одной денежки англійскихъ денегъ и ни одной капли англійской крови не должно быть истрачено на поддержку этого организованнаго варварства Оттоманской имперіи. Собраніе встало и восторженно аплодировало г-ну Ричарду.

Почтенный пребендарій Морсъ, викарій Нотингамскій, произнесъ краткую рѣчь, послѣ чего г-нъ Джорджъ Хоуель, представитель рабочихъ классовъ, заявилъ, что поведеніе премьера Биконсфильда преступно, что рабочій классъ единодушно порицаетъ турка, и хотя онъ лично такой любитель мира, что готовъ иногда драться за него, но онъ думаетъ, что нужды въ войнѣ не представляется. Послѣ того, Евелинъ Ашле горячо говорилъ о дипломатическомъ положеніи. За нимъ слѣдовалъ профессоръ Брайсъ; онъ описывалъ силы, побуждающія русскаго царя дѣйствовать, и въ заключеніе сказалъ среди шумныхъ восклицаній восторга, что Турціи слѣдуетъ объявить, что мы не только не станемъ ее поддерживать, но что мы ее принудимъ силой уступить. Д-ръ Аллонъ, высокій, сѣдой, говорившій съ особеннымъ оживленіемъ о нравственной сторонѣ вопроса, возбудилъ сильные протесты, когда сказалъ, что за Россіей слѣдуетъ наблюдать въ то время, когда мы ей будемъ содѣйствовать. За нимъ говорилъ Робертъ Ликъ, а послѣ этого, съ провозглашеніемъ благодарности герцогу Вестминстерскому былъ сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ. Поддерживая голосованіе благодарности, сэръ Генри Хавлокъ произнесъ горячую рѣчь, замѣчательную заявленіемъ его, какъ военнаго человѣка, что

на войнѣ за Турцію онъ, по совѣсти, не могъ бы поднять мечъ.

Вечернее засѣданіе было открыто графомъ Шафтсбери. Замѣчательнымъ въ его рѣчи было противорѣчіе собранія его заявленію, что лорду Дерби слѣдуетъ простить за принципы, высказанные въ его донесеніи о болгарскихъ жестокостяхъ. „Неужели недопустима мысль о раскаяніи?“ прибавилъ патетически благородный графъ, и многочисленное собраніе громогласно произнесло: „нѣтъ“. Послѣ него говорилъ каноникъ Лиддонъ; онъ изложилъ таблицу реформъ, которыя слѣдовало требовать отъ Турціи, и прибавилъ, что единственное средство достигъ выполненія этихъ реформъ это военная оккупация. За нимъ говорилъ г-нъ Джорджъ Отто Тревиліанъ, который произнесъ блестящую рѣчь, покрытую аплодисментами. Онъ плохо началъ, но послѣ того, какъ онъ, въ изящной эпиграммѣ, заявилъ себя противникомъ поддѣльнаго и смѣшаннаго патріотизма, связывающаго выгоды Англіи съ тиранніей и честь Англіи съ турецкимъ безчестіемъ, онъ такъ воодушевился, что говорилъ удивительно энергично. Пускай черкесы зарабатываютъ свой честный хлѣбъ, продавая свое собственное потомство въ Константинопольскій сераль, но не допускайте ихъ распространять свою торговлю на женъ и дочерей ихъ христіанскихъ сосѣдей... въ заключеніе Тревиліанъ сказалъ, что Англія не истратитъ ни одной копѣйки и не запятнаетъ ни одного штыка на помощь турку. Ея герои не станутъ никогда въ ряды разрушителей Болгаріи, какъ бы пальцы премьера ни указывали на рукоятку шпаги, народъ позаботится о томъ, чтобы она не выходила изъ ноженъ. При шумныхъ рукоплесканіяхъ г-нъ Тревиліанъ возвратился на свое мѣсто, и лордъ Артуръ Руссель его замѣнилъ. Послѣ его краткой рѣчи историкъ г-нъ Фриманъ, встрѣченный шумными возгласами, произнесъ очень существенную и ученую рѣчь. Краснорѣчіе г-на Фримана всѣмъ извѣстно. Голосъ его слегка хриплый, но форма его періодовъ блестяща и одно мѣсто въ его рѣчи произвело громадный эффектъ. Онъ спросилъ: „станете ли вы воевать за свободу, неприкосновенность и самостоятельность Содома? Пусть пропадаютъ выгоды Англіи, пусть пропадутъ наши владѣнія въ Индіи лучше, чѣмъ мы нанесемъ одинъ ударъ, или произнесемъ одно слово въ пользу неправды противъ правоты. Пойдете ли вы воевать за варвара“? Три тысячи голосовъ заревѣли: „нѣтъ“. Послѣ г-на Фримана говорилъ высокопочтенный Левесонъ Гоуеръ и оживленную рѣчь сказалъ г-нъ Бродхёрстъ. Профессоръ Фаусетъ, въ отвѣтъ на повторенныя приглашенія, всталъ посреди восторженныхъ привѣтствій и произнесъ одну изъ самыхъ колкихъ рѣчей за этотъ вечеръ. „Лордъ Шафтсбери

просилъ насъ забыть и простить. Я не считаю себя неумолимымъ, но существуетъ министръ, которому никогда простить нельзя. Этотъ человѣкъ—премьеръ-министръ Биконсфильдъ“. Нельзя достаточно изобразить силу восторженныхъ кликовъ, привѣтствовавшихъ это откровенное заявленіе. Лордъ Ельзбери возбудилъ предложеніе о томъ, чтобы сформировать ассоціацію для распространенія свѣдѣній о Восточномъ вопросѣ. Сэръ Томасъ Базлей поддерживалъ это предложеніе. Вниманіе собранія было утомлено. Было десять минутъ седьмого, а большая часть многолюднаго собранія засѣдала съ одиннадцати. Однако ни одного оратора не прервали и даже дали говорить около десяти минутъ лорду Ельзбери, ни разу не воскликнувъ: „пора кончить“. Наконецъ наступила минута, вѣнчающая дѣло. Выступаетъ г-нъ Гладстонъ. Тысячи присутствующихъ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ, и Гладстонъ видитъ шумную сцену возбужденнаго собранія; каждая рука махала шляпой или платкомъ и каждый голосъ радостно привѣтствовалъ его. Казалось, этому привѣтствію конца не будетъ. Гулъ рукоплесканій, снова и снова повторяющійся, и вдругъ все затихло, всѣ сѣли на свои мѣста; г-нъ Гладстонъ стоялъ молча передъ такой же молчаливой аудиторіей. Паденіе булавки могло бы быть слышно передъ тѣмъ, какъ ораторъ началъ: „My lords, ladies and gentlemen (милорды, лэди и господа)“. Прежде чѣмъ начать свою рѣчь г. Гладстонъ предпослалъ въ видѣ вступленія весьма юмористичный анализъ перемѣны, которая подъ вліяніемъ агитаціи произошла въ политикѣ правительства: „оцѣнка произведеннаго дѣйствія заключаетъ въ себѣ оправданіе того, что привело насъ къ устройству нынѣшней ассоціаціи“. Обратясь къ рѣчи въ Гильдѣ Холѣ, гдѣ ораторствовалъ лордъ Биконсфильдъ, онъ высказался противъ независимости Оттоманской имперіи и, коснувшись шовинизма правительства, г-нъ Гладстонъ заявилъ, что „намекъ на непредвидѣнные расходы на войну былъ жаломъ и жаломъ полнымъ яда“. Это вѣское обвиненіе было покрыто шумными рукоплесканіями. Дѣйствіе рѣчи въ Гильдѣ Хилѣ было злонамѣренно и пагубно не только для Россіи, но въ особенности для Константинополя. „Константинополь“, продолжалъ ораторъ, „очевидцы описываютъ какъ земной рай. Бываетъ кромѣ земного рай дураковъ“. Взрывъ хохота раздался въ залѣ. Переходя къ миссіи лорда Сальзбери, г-нъ Гладстонъ дружески заявилъ къ нему свое довѣріе, но спросилъ, благо ли для Сальзбери или злой рокъ слушать эту рѣчь? Мы хотѣли бы знать, составляла ли рѣчь въ Гильдѣ Холѣ часть инструкцій лорду Сальзбери? Цѣль страны уничтожить всякое отношеніе между лордомъ Сальзбери и рѣчью Биконсфильда въ Гильдѣ Холѣ для того, чтобы въ своей великой и трудной миссіи онъ могъ имѣть благо-

пріятное и ясное поприще, чтобъ защищать честь своей страны и содѣйствовать благополучію восточныхъ народовъ. Новыя рукописанія, еще восторженнѣе, когда онъ продолжалъ протестовать противъ недостойныхъ представителей Англій въ другихъ государствахъ, какъ страны, могущество и вліяніе которой служатъ на поддержку власти и испорченности Оттоманской имперіи. Гладстонъ описалъ съ большимъ чувствомъ страданія болгаръ отъ совершаемыхъ надъ ними злодѣйствъ и обратился къ практической сторонѣ: „что же надо дѣлать“? Онъ отказался войти въ подробности, но настаивалъ на ограниченіи верховнаго суверенитета Турціи. Безъ этого всѣ реформы сонъ или обманъ. Необходимо вмѣшательство какого-нибудь иностраннаго государства; что касается Россіи, мы бы должны судить ее такъ, какъ сами желали бы быть судимы. Англія можетъ сколько угодно слѣдить ревностно за Россіей, но если мы хотимъ идти противъ Россіи, мы должны соперничать съ нею въ любви къ христіанскому населенію. Въ краснорѣчивой формѣ онъ привелъ примѣръ Каннинга во время греческой революціи и примѣры Италіи, Бельгіи и Греціи, какъ (полное) вознагражденіе и оправданіе за поддержку, оказанную нами въ прошедшія времена, народамъ борющимся за независимость. Среди гула одобреній онъ заключилъ тѣмъ, что пока министерство не будетъ дѣйствовать по примѣру Каннинга и не войдетъ въ дружеское содѣйствіе съ Россіей, чтобъ избавить эти народности отъ прямого владычества Порты, они никогда справедливо не могутъ воскликнуть: „мы удовлетворены“. Г-нъ Гладстонъ, говорившій почти часъ и три четверти, возвратился на мѣсто съ тѣми же бурными привѣтствіями, которыми былъ встрѣченъ. Около 8 часовъ произнесена была единодушная резолюція, и вскорѣ послѣ этого одно изъ самыхъ знаменательныхъ собраній, извѣстныхъ въ исторіи Англій, мирно разошлось.

Легко себѣ представить, съ какимъ восхищеніемъ Ольга Алексѣевна слушала рѣчи, въ которыхъ ораторы какъ бы старались превзойти одинъ другого въ энергичномъ отрицаніи союза съ Турціей и желаніи присоединиться къ предложенному обузданію турка. Она съ жадностью слѣдила за блестящей рѣчью Гладстона, которой закончилось засѣданіе. До этой минуты она не испытывала обаянія этого великаго чародѣя; она поняла лучше всѣхъ непреодолимую силу его ораторскаго искусства. Когда между кликами восторга онъ замолчалъ, Ольга Алексѣева приготовилась уйти. Не она одна чувствовала, что этотъ день знаменательный въ ея жизни. Это дѣйствительно былъ день памятный въ исторіи народовъ. Для нея же лично это было событіе, превзошедшее всѣ ея ожиданія, но въ дополненіе къ политической демонстраціи ей су-

ждено было испытать личное торжество, совершенно неожиданное вниманіе лично къ себѣ.

Въ то время какъ Ольга Алексѣевна тихо подвигалась среди толпы, скопившейся у лѣстницы, она услышала съ удивленіемъ голосъ г-на Гладстона, обращенный къ ней. Онъ тоже уходилъ. Увидавъ Ольгу Алексѣевну въ толпѣ, онъ поспѣшилъ къ ней и, предложивъ ей руку, провелъ ее изъ залы по лѣстницѣ до улицы. Онъ только что кончилъ утомительную рѣчь, его ждалъ обѣдъ дипломатическаго корпуса, но онъ настоялъ на томъ, чтобы довести г-жу Новикову домой до Клариджъ Отель, поддерживая съ нею все время очень оживленный разговоръ.

Послѣ смерти Гладстона, описывая этотъ замѣчательный вечеръ, г-жа Новикова говоритъ:

„Случалось не разъ, что онъ сообщалъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, смѣлость которыхъ меня восхищала и пугала вмѣстѣ, но колебаній передъ твердо опредѣленной цѣлью онъ не зналъ. Онъ боялся дѣйствительно Бога, но больше никого. Такъ послѣ знаменитой Сентъ-Джемской конференціи, устроенной подъ его наблюденіемъ въ пользу православныхъ славянъ въ Турціи, я ему сказала, что, идя противъ Дизраэли и королевы, онъ рискуетъ революціей. Онъ меня прервалъ.—Да, дѣйствительно. Вы вѣрно опредѣлили эту демонстрацію. Это своего рода—революція. Но совѣсть меня не упрекаетъ, такъ какъ это преимущественно христіанская революція. Кромѣ того, продолжалъ онъ, я не одинъ такъ дѣйствую. Четыре тысячи народа, присутствовавшего въ залѣ, были единодушны въ своемъ присоединеніи и, не колеблясь, выразили свои симпатіи къ благородной роли Россіи на Балканахъ. Вы замѣтили? живо спросилъ онъ, улыбаясь, что единственный ораторъ, котораго освистали, заслужилъ эту кару за то, что онъ, желая казаться безпристрастнымъ, объявилъ, что онъ не особенный другъ Россіи. Смѣшно то, что бѣдный ораторъ совсѣмъ не руссофобъ, добавилъ онъ, я его лично знаю, никогда въ жизни не забуду этого случая“.

Это, несомнѣнно, была пріятная прогулка.

Доведя г-жу Новикову до двери ея отеля и выслушавъ ее сердечную благодарность за ударъ, нанесенный имъ въ этотъ день турецкому и поддержку англо-русскому сближенію, онъ поспѣшилъ на обѣдъ. Онъ опоздалъ на часъ и нашелъ половину пословъ и посланниковъ въ Лондонѣ, ожидающихъ его пріѣзда, чтобъ сѣсть за столъ. „Мнѣ очень жаль, сказалъ г-нъ Гладстонъ, входя, но у меня не было времени даже переодѣться. Я только что проводилъ г-жу Новикову до ея гостиницы и потому нѣсколько опоздалъ“. Въ глазахъ нѣкоторыхъ присутствующихъ дипломатовъ причина увеличивала вину. Другіе

удивлялись, и этимъ случаемъ воспользовалась турецкая пресса, чтобъ повредить Гладстону въ глазахъ его соотечественниковъ ¹⁾.

Недавняя буря въ стаканѣ воды, поднятая потому, что Кайзеръ написалъ письмо англійскому министру, поможетъ намъ понять, и послѣ такого долгаго времени, какая нравственная смѣлость была нужна со стороны Гладстона такъ всенародно на конференціи и послѣ нея оказать столько исключительнаго вниманія Ольгѣ Алексѣевнѣ. Въ этомъ Гладстонъ показалъ примѣръ, которымъ многіе другіе не имѣли храбрости воспользоваться.

Два или три года спустя въ письмѣ къ г-ну Гладстону о вліяніи и роли г-жи Новиковой въ восточномъ кризисѣ, я сдѣлалъ замѣчаніе на этотъ счетъ, которое мнѣ кажется сущей правдой (*la vérité vgaie*). Ольга Алексѣевна не измѣнила нашихъ убѣжденій, но она ихъ страшно усилила.

Сообщено Е. С. М.

¹⁾ Напримѣръ: „г-жа Новикова, русскій агентъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шуваловымъ, она сестра генерала Кирѣева и невѣстка русскаго посла въ Вѣнѣ. Это та особа, съ которой нашъ эксъ-премьеръ заключилъ публичный и частный союзъ во время Балканскихъ жестокостей. Но когда достигнута была высшая точка про-русскаго движенія и устроители его считали паденіе лорда Биконсфильда неминуемымъ, г-нъ Гладстонъ, по окончаніи конференціи въ Сентъ-Джемсъ Холъ, подошелъ къ г-жѣ Новиковой, подалъ ей руку и торжественно повелъ ее среди недоумѣвающей толпы, чтобы представить ей доказательство анти-турецкаго союза, заключеннаго наконецъ Англійей съ Россіей: такимъ образомъ публично призналъ, что отношенія его къ этой дамѣ чисто политическаго характера и должны обсуждаться какъ таковыя. Несомнѣнно, страна будетъ того же мнѣнія, какъ только смыслъ этихъ отношеній станетъ ей яснымъ“.